
Сокрушение восточно-прусской цитадели германского милитаризма

Одним из важных событий завершающей кампании Великой Отечественной войны является Восточно-Прусская операция, проведенная Советскими Вооруженными Силами в период с 13 января по 26 апреля 1945 года. В ходе этой операции наши войска разгромили сильную вражескую группировку—немецкую группу армий «Центр», заняли всю территорию Восточной Пруссии с ее столицей Кенигсбергом и освободили часть северных районов Польши.

Восточно-Прусская операция имела крупное военно-политическое значение. С ликвидацией гитлеровских войск в Восточной Пруссии было покончено с важнейшей цитаделью пруссачества и германского милитаризма на Востоке. Народы Советского Союза и Польши навсегда избавились от угрозы нападения немецких агрессоров с этого выгодного плацдарма. С потерей Восточной Пруссии фашистская Германия лишилась одного из важных экономических районов страны.

В результате разгрома восточно-прусской группировки немецко-фашистских войск были значительно ослаблены вооруженные силы гитлеровской Германии, в то время как освободившиеся силы 3-го Белорусского фронта наше командование использовало для наращивания усилий на других участках советско-германского фронта.

После овладения Восточной Пруссией улучшилось базирование Краснознаменного Балтийского флота и создались благоприятные условия для его действий по обеспечению правого фланга Советской Армии при наступлении на Берлин. В то же время немецкий военно-морской флот лишился удобных баз в юго-восточной части Балтийского моря.

Победа Советских Вооруженных Сил в Восточной Пруссии была достигнута в результате длительных и напряженных усилий. Наступление продолжалось три с половиной месяца (104 дня) и имело ряд особенностей. Его наиболее характерной чертой являлось то, что окруженные группировки противника в силу сложившихся условий приходилось уничтожать последовательно, одну за другой. Действия наших войск по разгрому каждой из этих группировок представляли собой вполне законченную наступательную операцию, вытекавшую из общего замысла стратегического наступления.

После завершения войны в Европе Потсдамская конференция руководителей трех союзных держав, состоявшаяся в июле—августе 1945 года, приняла историческое решение о ликвидации Восточной Пруссии. Город Кенигсберг и прилегающие к нему районы были переданы Советскому Союзу, а остальная часть Восточной Пруссии вошла в состав Польской Народной Республики. На территории, отошедшей к Советскому Союзу, в 1946 году была образована Калининградская область, вошедшая в состав РСФСР. Город Кенигсберг переименован в Калининград.

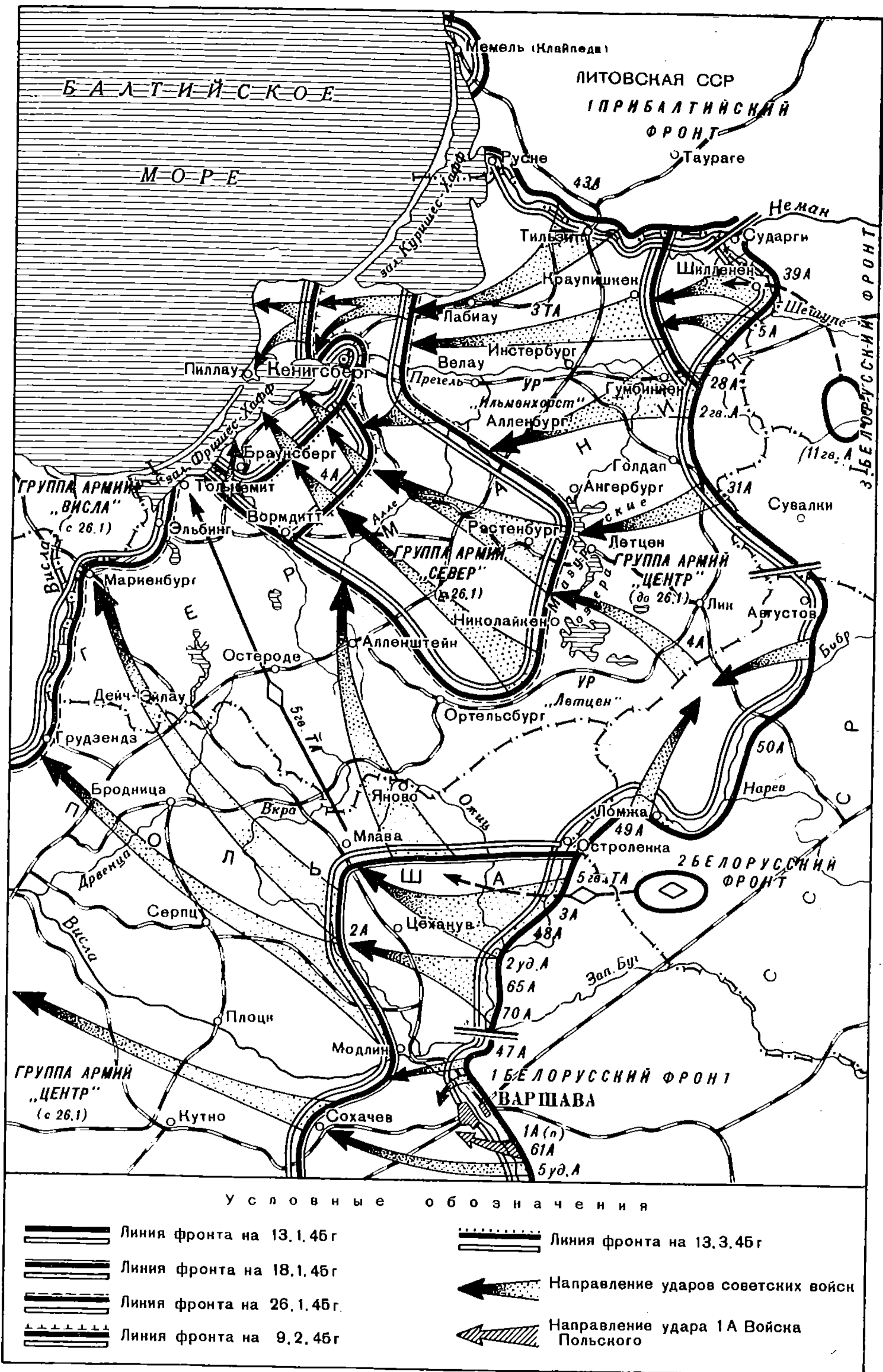

Схема Восточно-Прусской операции.

* * *

В связи с исполняющейся в этом году двадцатой годовщиной разгрома Советской Армией немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии редакция «Военно-исторического журнала» обратилась к Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому и к генерал-полковнику А. П. Покровскому с просьбой ответить на некоторые, еще недостаточно освещенные в нашей военно-исторической литературе вопросы, касающиеся организации и проведения Восточно-Прусской операции. Ниже публикуется интервью нашего журнала. В разделе «Документы и материалы» помещены цифровые данные, характеризующие количественные и качественные показатели этой операции.

На берлинском и восточно-прусском направлениях

*Маршал Советского Союза К. РОКОССОВСКИЙ
(командующий войсками 2-го Белорусского фронта)*

Вопрос: В чем состоят особенности планирования действий войск 2-го Белорусского фронта в Восточно-Прусской операции в сравнении с другими операциями, которые вам приходилось проводить?

Ответ: В нашей военно-исторической литературе прочно утвердилось мнение, что 2-й Белорусский фронт якобы с самого начала планирования зимней кампании 1945 года нацеливался для действий на восточно-прусском направлении. Фактически это не совсем так. В бытность мою командующим 1-м Белорусским фронтом в середине ноября 1944 года мне позвонил И. В. Сталин. Выслушав мой доклад об обстановке, он сказал, что Ставка приняла решение назначить меня командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Такое решение было для меня весьма неожиданным. Ведь я совсем недавно был в Ставке с докладом предложений по организации наступления 1-го Белорусского фронта на берлинском направлении. Все наши предложения без каких-либо замечаний были одобрены, и вдруг новое назначение. Я невольно спросил Верховного Главнокомандующего: «За что такая немилость?»

Сталин сказал, что командующим войсками 1-го Белорусского фронта назначается его заместитель Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и что дальнейшие подробности я узнаю, когда буду в Ставке.

По прибытии в Ставку я был ознакомлен в общих чертах с замыслом стратегического наступления на зимнюю кампанию 1945 года. Главная задача наших Вооруженных Сил в предстоявшей кампании заключалась в решительном разгроме немецко-фашистской армии на берлинском направлении силами 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Эти фронты должны действовать стремительно, согласованно и в тесном взаимодействии.

2-му Белорусскому фронту ставилась задача, наступая в западном направлении, разгромить противника севернее разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом. В случае если 1-й Белорусский фронт из-за упорного сопротивления врага будет отставать, то наш фронт должен содействовать ему, нанеся противнику фланговый удар силами не менее одной армии. Аналогичные задачи стояли и перед 1-м Белорусским фронтом по обеспечению наступления нашего и 1-го Украинского фронтов, а также последнего в отношении своего соседа справа.

Таким образом, по замыслу Ставки 2-й и 1-й Белорусские и 1-й Украинский фронты были связаны в единое звено, которое решало главную задачу в завершающей кампании 1945 года.

Конечно, одновременное наступление трех фронтов во всей полосе на берлинском направлении было бы наиболее эффективным. Но беда заключалась в том, что над нами оставались висеть крупные силы немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии и северной Польше. Эта группировка имела в своем составе 41 хорошо укомплектованную дивизию и опиралась на сильную глубоко эшелонированную оборону.

Для быстрого ее уничтожения сил 3-го Белорусского фронта было недостаточно. Поэтому на первом этапе стратегического наступления в зимней кампании 1945 года 2-му Белорусскому фронту пришлось одновременно с наступлением на запад наносить удар на Мариенбург, Эльбинг с целью перерезать сухопутные коммуникации восточно-прусской группировки.

В результате стремительных действий подвижных войск нашего фронта и выхода их к морю у Эльбинга восточно-прусская группировка к 26 января 1945 года была отсечена от остальных сил немецко-фашистской армии. Однако выполнение этой задачи потребовало от нас введения в сражение основных сил фронта.

К концу января у нас на левом крыле, т. е. на нижней Висле, действовали только три армии (2-я ударная, 65-я и 70-я), а большая часть сил фронта (50, 49, 3, 48 и 5-я гвардейская танковая армии) оказалась связанной боями с блокированной восточно-прусской группировкой, которая мощными контрударами из района Хейльсберга стремилась ликвидировать коридор в районе Эльбинга и восстановить связь с группой армий «Висла». Бои с восточно-прусской группировкой врага принимали все более затяжной характер, и нам по указанию Ставки пришлось передать половину своих армий (50, 3, 48 и 5-ю гвардейскую танковую армии) 3-му Белорусскому фронту, что не предусматривалось ни замыслом Ставки, ни планом операции фронта.

И вот, несмотря на то что задача выхода к морю была выполнена успешно, у нашего фронта не оказалось достаточных сил для одновременных действий на главном, берлинском, направлении. Последствием этого явилось то, что уничтожение противника в Восточной Померании пришлось осуществлять не одновременно с Висло-Одерской операцией, а после нее и с привлечением части сил войск 1-го Белорусского фронта.

Мне кажется, что такое положение создалось в результате не совсем удачного планирования Восточно-Прусской операции. Видимо, при планировании ее Ставка не учла того, что нашему фронту придется выделить крупные силы для уничтожения гитлеровцев в Восточной Пруссии. Если бы 2-й Белорусский фронт после выхода к Балтийскому морю смог повернуть все или почти все свои силы на запад, то события на берлинском направлении развивались бы более успешно, а сам Берлин, возможно, был бы взят гораздо раньше.

Вопрос: Как Вы, будучи командующим войсками фронта, учитывали в своих решениях политические моменты, связанные с тем, что боевые действия войск фронта были перенесены на территорию сначала дружественной нам Польши, а затем в пределы фашистской Германии?

Ответ: Военный совет фронта, политические органы и партийные организации обращали особое внимание на то, чтобы каждый солдат понимал необходимость братского отношения к польским гражданам. И мы этого быстро достигли путем проведения разнообразной по формам партийно-политической работы.

Нужно отметить, что с первых дней вступления наших войск на польскую землю мы встретили самое благожелательное и дружественное отношение местного населения. Пережив ужасы немецкой оккупации, польский народ по-братски отнесся к своим освободителям — воинам Советской Армии.

После выхода наших войск на территорию Польши командованию и Военному совету фронта не приходилось заниматься административными функциями, так как все вопросы гражданского управления решали польское правительство и его органы на местах. Мало того, и правительство Польши и польский народ оказывали Советской Армии большую помощь в строительстве и ремонте дорог, мостов, аэродромов и в осуществлении других важных мероприятий на театре военных действий.

По-иному обстояло дело, когда мы вошли в пределы фашистской Германии. Наши воины под влиянием пережитого за годы войны горели ненавистью к немецким оккупантам. Все они собственными глазами видели чудовищные злодеяния фашистов в освобождаемых советских городах и селах. Почти каждому воину гитлеровцы причинили личное горе. Их настроения и чувства раскрыты на 113 стр. 5 тома «Истории Великой Отечественной войны». Там сказано, что вступление в Восточную Пруссию солдаты и офицеры 2-го Белорусского фронта встретили с величайшим подъемом. «Вот она, берлога немецкого зверя, — говорили они. — Теперь мы отомстим гитлеровцам за все их злодеяния, совершенные ими на нашей земле». Но не все советские бойцы правильно понимали, в чем должна выражаться месть и как надо вести себя в Германии. В первые дни боевых действий на территории Восточной Пруссии были отдельные факты нарушения норм поведения¹.

Этого мы не могли допустить. Нужно было добиться перелома в сознании солдат, которые вначале не могли понять, как после тех зверств, что творили фашистские захватчики на советской земле, — и это они видели собственными глазами, — можно великодушно относиться ко всему немецкому.

Военный совет фронта позаботился о том, чтобы обеспечить правильное понимание каждым солдатом и офицером сущности нашей гуманной политики в отношении мирного немецкого населения. Был издан специальный приказ. Наши политические органы, партийные и комсомольские организации весьма оперативно, в течение одного-двух дней, разъяснили воинам требования приказа. И воины 2-го Белорусского фронта оказались на высоте. После того как требования приказа о гуманном отношении к мирному населению были доведены до каждого солдата, нам не приходилось больше встречаться с явлениями, имевшими место в первые дни боевых действий на вражеской территории.

О большом великодушии и благородстве воинов Советской Армии весьма убедительно говорит, например, следующий факт, свидетелем которого мне пришлось быть. При въезде в одно разрушенное и сожженное гитлеровцами село я встретил пленного немца и конвоировавшего его нашего солдата. Пленный сидел на телеге и курил русскую махорку, а его конвоир шел по грязи за повозкой. Меня это весьма заинтересовало, и я спросил солдата, почему он идет пешком, а пленный сидит на телеге. Виновато улыбаясь, советский воин скромно ответил: «Немец натер себе ногу и ему плохо идти, вот я его и посадил». Подобным образом мог поступить только наш — советский солдат. Корни такого благородного обхождения с побежденным врагом кроются в нашем советском интернационализме.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 5. М., Воениздат, 1963, стр. 113.

При действиях на немецкой территории мы столкнулись с необходимостью решения новых задач. Дело заключалось в том, что весь фашистский государственный и административный аппарат рухнул, и, чтобы не допустить хаоса, командованию и Военному совету фронта пришлось серьезно заниматься вопросами гражданского управления на оккупированной территории. Это была новая функция, ее нам приходилось осваивать заново. Она была успешно решена системой военных комендатур.

Вопрос: Как было организовано и как осуществлялось взаимодействие 2-го Белорусского фронта с 1-м Белорусским фронтом, действовавшим на берлинском направлении, а также с 3-м Белорусским фронтом и Краснознаменным Балтийским флотом на восточно-прусском направлении?

Ответ: О взаимодействии нашего фронта с 1-м Белорусским фронтом я уже частично говорил. Оно было организовано Ставкой с самого начала стратегического наступления советских войск на берлинском направлении.

В период Висло-Одерской операции войска нашего фронта, сокрушив вражескую оборону в полосе от Остроленка до Сероцка и продвигаясь на Быдгощ и к нижней Висле, надежно прикрывали правое крыло 1-го Белорусского фронта от возможных контрударов противника с севера. Однако после выхода 2-го Белорусского фронта к Балтийскому морю в районе Эльбинга и к нижней Висле взаимодействие с нашим левым соседом было частично нарушено в связи с тем, что большая часть наших армий оказалась втянутой в сражение с восточно-прусской группировкой. В ходе последующих событий, т. е. при разгроме восточно-померанской и берлинской группировок, взаимодействие 1-го и 2-го Белорусских фронтов не нарушалось.

Совсем по-иному выглядело взаимодействие с нашим правым соседом. О характере взаимодействия 2-го Белорусского фронта с 3-м Белорусским фронтом убедительно свидетельствует тот факт, что штабом этого фронта мы не имели даже прямой телефонной связи. В необходимых случаях мы, конечно, могли устанавливать контакт по линии связи Генерального штаба. В целом же организованное и тщательно спланированное взаимодействие с соседом справа отсутствовало.

Тот факт, что в ходе борьбы с восточно-прусской группировкой противника Советскому Верховному Главнокомандованию пришлось привлечь и войска 2-го Белорусского фронта, свидетельствует о том, что и в Ставке и в нашем штабе, по-видимому, имела место недостаточно полная оценка всех условий обстановки, которые могли сложиться на правом крыле советско-германского фронта в начале 1945 года.

Что касается взаимодействия 2-го Белорусского фронта с Краснознаменным Балтийским флотом, то его также, по существу, не было. По этой причине войскам нашего фронта при выходе к Балтийскому морю и очищении побережья от вражеских войск пришлось испытать серьезные трудности и понести существенные потери от немецкого флота, особенно при действиях на гданско-данцигском направлении.

Однако выход из этого затруднительного положения был найден. Для борьбы с немецким флотом мы привлекли штурмовую авиацию 4-й воздушной армии, которой командовал генерал-полковник авиации К. А. Вершинин. Несмотря на то что гитлеровские корабли имели сильное зенитное прикрытие, наши летчики-штурмовики, действуя главным образом с малых высот, смело атаковали надводные цели. Вражеская эскадра потеряла не один боевой корабль и была вынуждена поспешно отойти.